

ОБРАЗ ЛЯГУШКИ В ФОЛЬКЛОРЕ И ОБРЯДНОСТИ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX ВЕКА)

В. А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Россия
venariy@ngs.ru

В статье посредством привлечения и систематизации фольклорно-этнографических материалов, в том числе впервые вводимых в научный оборот авторских переводов на русский язык отрывков из эпических произведений, а также архивных сведений и полевых материалов автора, проанализирован образ лягушки в устном народном творчестве и ритуальной практике хакасов. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что, в силу своей биологии, лягушка/жаба тесным образом связана с водой и подземным пространством. Многовековое наблюдение хакасов за этим земноводным способствовало формированию огромного фонда народных знаний об указанном животном, в том числе о его морфологических особенностях, местах обитания, образе жизни, повадках и т. д. Обозначенная реалья нашла отражение в фольклоре хакасов. С образом этого земноводного был связан целый комплекс мифологических представлений о подземном мире и его обитателях. Лягушке отводилось особое место в обрядовой практике, в том числе и в шаманизме. Она выступала в качестве одного из важнейших духов-помощников шамана, оказывающих существенную помощь при его мистериях, особенно в процессе путешествия в Нижний мир. В связи с этим её символическое изображение было широко представлено в шаманской атрибутике, в частности на бубне. Важная роль отводилась лягушке и в обрядности, направленной на защиту домашнего скота, а также на сохранение здоровья человека, в связи с чем в практике хакасского народа получил широкое распространение культ покровителя овец. С почитанием лягушки была связана определённая система обрядности.

Ключевые слова: мифический образ, миф, фольклор, хакасы, лягушка, обряды, шаманизм.

**IMAGE OF FROG IN FOLKLORE
AND RITES OF KHAKAS PEOPLE
(END OF 19TH – MIDDLE OF 20TH CENTURIES)**

Venariy Burnakov

Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
venariy@ngs.ru

The aim of the work is to characterize the image of the frog (*pāa*) in the oral folk art of the Khakas. Based on the goal, the following tasks were set: to analyze the folklore and ethnographic information and to identify the key constituent elements of this mythological being, to discover the semantic links of its image with natural objects and elements. The chronological framework of the work covers the end of the 19th – middle of the 20th centuries. The choice of such time limits is determined by the state of the source base for the research topic. The work is based on an integrated, system-historical approach to the study of the past. The research methodology is based on historical and ethnographic methods – a scientific description, a concrete historical, semantic and relic analysis. As a result of the analysis, the following conclusions can be drawn: 1) the frog was given an important place in the culture of the Khakas. This reality was due both to the prevalence of this animal in the nature of Khakassia, and specifically because of its zoological specificity; 2) in the mythological perception, the specified amphibian was endowed with contradictory dual characteristics and caused mixed feelings in people, often negative ones. In the traditional consciousness of the people, the frog's unrepresentable appearance contained the repulsive intrinsic qualities of its character, which was reflected in folklore and verbal magic; 3) in the ideas of the people, the designated amphibian, as a creature that lives in two elements – water and land, was consistently associated with the Lower World. Moreover, its image is often introduced into mythological and fairy-tale schemes with the participation of other chthonic animals, for example, mice, snakes and lizards. In the Khakas oral folk art, the entire life support system of the demonic characters of the underworld, which included housekeeping and food, was directly connected with this amphibian; 4) animalistic images presented in folklore can be considered not only as purely symbolic, but also as totemic representations; 5) great importance was attached to the image of the frog in the shamanic practice. The animal in question had a direct relationship with both the spirit master of the water – *sug eezi*, and the lord of the underworld – *Erlik Khan*. The identified specificity of the frog contributed to its inclusion in the composition of key shaman helpers who mediated between the world of underground spirits and people: 6) among shamanists worship of amphibians reached such a high level that a cult of the patron of sheep appeared, whose external data included amphibian and reptile features. This character carried out protective, protective and healing functions in relation to not only domestic animals, but also to people.

Keywords: mythical image, myth, folklore, Khakas, frog, rites, shamanism.

DOI 10.23951/2312-7899-2020-1-243-265

В традиционной культуре хакасов важное место отводилось животным. Более того, в религиозно-мифологических воззрениях и обрядности их значение было чрезвычайно многогранным. Оно варьировалось от восприятия их в качестве тотемных предков до зловредных демонических существ, в связи с чем отдельные из них становились объектами религиозного культа, на других же налагалось клише *persona non grata*. В мифологическом сознании многие представители фауны наделялись всевозможными мистическими свойствами, что позволяло широко их использовать в бытовой магии, народной медицине и т. д. При этом образы некоторых животных имели ярко выраженную амбивалентную природу, проявляющуюся как в положительных, так и отрицательных качествах. К числу таковых относилась и лягушка/жаба (хакас. *пага / ходыр пага*) [Субракова 2006, 334–335]. Отметим, что раздвоение образа на ипостаси лягушки и жабы как самостоятельных персонажей для хакасского фольклора неактуально ввиду того, что они практически сливаются в едином образе и имеют семантическое тождество.

Целью нашей работы является характеристика образа лягушки в устном народном творчестве и обрядовой практике хакасов.

Лягушка – это один из самых распространённых представителей земноводных в Хакасии. Она обитает в лесных, лесостепных и степных зонах, в поймах озёр и рек, в болотах, на лугах, поросших осокой. Известный исследователь А. В. Адрианов ещё в начале XX века, описывая животный мир данного региона, не случайно акцентировал внимание на том факте, что там «в изобилии встречаются различные виды ящериц, змей, жаб, лягушек, тритоны и др.» [Адрианов 1904, 16]. Долговременные контакты людей и представителей фауны зачастую способствуют формированию определённых ассоциаций и стереотипов восприятия географических объектов, где они происходят. Так, например, присутствие большого количества лягушек в определённой местности послужило фактором создания соответствующего топонима – Боготол (от хакас. «*пага тол / толдыра*» – ‘полно лягушек’) [Трояков 2006, 41; Ачитаева и др. 2016, 183]. Широкая распространённость в Хакасии указанной амфибии нашла своё отражение в фольклоре коренного народа, где она является одним из наиболее известных персонажей.

В устном народном творчестве хакасов образ лягушки выступает в качестве одного из репрезентативных символов, посредством которого маркируются различные стороны жизни и быта народа. Так, в определённой степени этиологический характер носит сказка «Күскечек ('Мышонок')». В ней оригинальные морфологические признаки указанного земноводного объясняются сквозь призму его включённости в этническую культуру хакасов. В частности, выявляется его символическая связь с элементами традиционной системы питания, одежды и украшений, средств передвижения и пр. Приведём отрывок из этого произведения, изложенный в форме диалога [Бутанаев, Бутанаева 2008, 129–130]:

«Лягушка-лягушка, почему у тебя лоб широкий?» – «Как же ему не быть широким, я часто надевала шапку свахи *тюльгу-пёрик*», – ответила лягушка. «Лягушка-лягушка, почему у тебя красные глаза?» – удивляется мышонок. «Как же не быть им красными, часто смотрела против холодного ветра *хыйан*, – ответила лягушка. «Лягушка-лягушка, почему у тебя уши большие?» – не унимается мышонок. «Как же им не быть отвислыми, много раз носила серьги коралловые», – ответила лягушка. «Лягушка-лягушка, почему у тебя шея кривая?» – допытывается мышонок. «Как же шее не быть кривой, много раз надевала бусы», – с достоинством говорит лягушка. «Лягушка-лягушка, почему у тебя спина широкая?» – не унимается мышонок. «Как же не быть ей широкой, часто вьючила на себя горячий хлеб», – объяснила лягушка. «Лягушка-лягушка, почему у тебя пузо большое?» – продолжает мышонок. «Как же не быть ему большим, много раз ела ячменный суп», – отвечает лягушка. «Лягушка-лягушка, почему у тебя ноги длинные?» – спросил мышонок. «Как же им не быть длинными, много раз ездила на коне без седла», – отвечает лягушка. «Лягушка-лягушка, почему у тебя руки длинные?» – «Как же им не быть длинными, водилась много с младенцами», – призналась лягушка.

Вместе с тем отметим, что своеобразная внешность лягушки не вписывается в стандарты красоты и эстетических предпочтений хакасов. Лягушки обычно воспринимаются как отвратительные существа. Поэтому в быту отношение к ним неоднозначное, а чаще – негативное. Как правило, при внезапной встрече с лягушкой или жабой у большинства людей возникает чувство брезгливости и отвращения, а у некоторых – даже испуг. Указанная психологическая реакция нередко сопровождается вздрагиванием всего тела и таким часто встречаемым восклицанием, как «*ии, татай!*» – ‘у, какая гадость’ [Субракова 2006, 602]. Фольклорист В. Е. Майногашева по этому поводу не случайно отмечает «распространённый в разговорном языке хакасов возглас: “О Татай!”». Его в настоящее время

произносят при внезапном испуге, смешанном с чувством брезгливости, например, при неожиданно появившейся лягушке или другой подобной твари». Такое стрессовое состояние человека хакасами обозначалось выражением «*татайлан турадыр*» [Майногашева 1997, 443]. Соответствующее неприязненное отношение к лягушке было запечатлено и в эпических произведениях. Причём её образ служит не только известным обозначением омерзительной и уродливой внешности, но и выступает в качестве бранного слова. Так, например, богатырь *Ай Мирген*, демонстрируя своё глубокое презрение и, как следствие, отказ жениться на девушке *Алып Торгай Арыг хыс*, произносит буквально следующее [Ах Хан 2007, 220. Перевод наш. – Авт.]:

<i>Ы-ы, татай, састын пагазы,</i>	Фу-у, противная, болотная лягушка,
<i>Азып-өлген пабаңа</i>	[К] ушедшему-умершему отцу
<i>Аны, парып, син чоохта,</i>	Об этом, придя, ты расскажи,
<i>Иртіп-өлген іңеңе</i>	[К] перевалившей-умершей матери
<i>Аны, парып, син сөле.</i>	Об этом, придя, ты поведай,
<i>Сінің, айнаны, алып чуртаанча,</i>	[Чем] тебя, чертиху, брать в жёны,
<i>Хара чалгызан чуртирбын», – тіп,</i>	[Лучше] в тёмном одиночестве [я буду] жить, – говорит,
<i>Хыстың ікі хараана чапсыра</i>	Деве в оба глаза пристально [взглянув]
<i>Илбек күстіг ир-күлүк,</i>	[С] могучей силой муж-удалец,
<i>Хагырып, түкүри пирген</i>	[С презрением] отхаркнув, плюнул.

В хакасском фольклоре акцентируется внимание не только на непрезентабельных внешних данных лягушки, но и на присущей ей промозглой внутренней сущности. Она, как правило, наделяется многими отрицательными чертами характера, свойственными отдельным людям. Речь идёт прежде всего об эгоизме, лениности, глупости, зависти, хвастливости, лживости и пр. На формирование подобного мифологического образа земноводного, обладающего столь неприятными внутренними качествами, очевидно, оказали влияние особенности его биологии, прежде всего то, что оно является холоднокровным животным. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, «его конкретно-чувственной составляющей является кинестетическое ощущение холодной, скользкой кожи, ассоциирующееся с душевной холодностью, закрытостью, эгоизмом» [Галай, Жучкова 2014, 54]. Подобные ассоциации получили яркое воплощение в сказочной прозе. В уже упомянутой сказке «Күскечек» лягушка, будучи женой мышонка, только тем и занимается, что целыми днями полёживая дома и вкушает пищу,

с трудом добытую её супругом [Бутанаев, Бутанаева 2008, 129–130]. В произведении «Бык и лягушка» последняя неистово завидует силе и габаритам быка. Она предпринимает попытку развить в себе такие же внушительные формы. С этой целью она съедает столь огромное количество пищи, что её живот не выдерживает и лопаётся, в результате чего она погибает [Катанов 1907, 211]. Добавим, что мораль данного повествования во многом соотносится со смыслом известных русских пословиц: «Лягушке волом не быть, сколько воды ни пить», «Как ни дуйся, лягушка, а до вола далеко».

В сказке «Лягушка и журавль» повествуется история о том, как птица по доброте душевной щедро накормила лягушку. Та, в свою очередь, якобы в знак благодарности притворно пригласила журавля в гости и пообещала обильно угостить своей пищей. Однако выясняется, что лягушка его обманула. За столь неблагоприятный поступок и нанесённую обиду журавль становится её заклятым врагом и проклинает. В тексте констатируется, что в результате произведённой этой птицей вербальной магии определилось биологическое поведение, а также внешний вид лягушки («на ней мясо не нарастает») [Унгицкая, Майногашева 1972, 30–31]. В сказочном повествовании «Как муравей к лягушке в гости ходил» [там же] подчёркиваются такие её отрицательные качества, как жадность и хитрость.

Вопреки лукавому характеру и изворотливости ума лягушка всё же в большей степени осмысливается в качестве неуклюжего существа. Восприятие лягушки как чрезвычайно неповоротливого и легко уязвимого на суше животного нашло своё отражение в героической эпике хакасов. В ней поверженные богатыри порой сравниваются с беспомощно барахтающимися в грязи лягушками [Ах Хан 2007, 255. Перевод наш. – *Авт.*]:

Артых күстіг чайалган Ах Öлең,

Прай ниме истип, піліп алып,

Тас чүрекнең Пус чүрекке хости пазып,

Ікі харындасты саап ирткен.

Ах Öлең хайди саптым тіп көрзе,

Арға чурттын чарымын чара саап,

Тасхар сыгара чачырап,

Алты хати айланып пар түстірлер.

[Со] сверх-силой рождённый
Ах Öлең

Всё это услышав, узнав,

[К] Тас чүрек'у [с] Пус чүрек'ом
приблизившись,

Двух братьев ударив, прошёл.

Ах Öлең как ударил [оценивая],
взглянул,

Матицы жилища половину
проломив,

На улицу вон вылетев,

Шесть раз перевернувшись,
свалились.

*Кірліг палчакха тўңдере тўзін,
Пага чіли, сых полбин, чайхал турлар*

[В] грязную жижу ничком, упав
Лягушке подобно, не могущей
выбраться, колыхаются.

Следует добавить, что устойчивая ассоциация этого животного с грязью нашла своё выражение в собирательном термине *пага-палчак* – ‘лягушки’ [Субракова 2006, 335], что буквально переводится как ‘лягушка-грязь’. Между тем лягушка, не отличающаяся особой ловкостью на земной поверхности, благодаря обтекаемой форме и другим зоологическим особенностям хорошо приспособлена для передвижения в воде. Собственно, водная среда является родной стихией этого животного. Как известно, основной цикл онтогенеза лягушки (икринка – головастик – взрослая особь) происходит именно в воде. И в дальнейшем весь её образ жизни напрямую связан с водой. Отметим и то, что она имеет способность добывать себе пищу как в воде, так и на суше. Поэтому совершенно не случайно то, что в традиционных представлениях хакасов и других тюрков Южной Сибири лягушка, наряду с прочими, считалась существом, принадлежащим *суг ээзи* – духу-хозяину воды. Н. П. Дыренкова отмечает, что её нередко называли *сугдаң килген* – букв. ‘пришедшая от воды / из воды’. В этой связи бытовала примета, что если во сне увидеть лягушку, то это значит «получить неприятность от водяного духа» [Дыренкова 2012, 183].

В мировоззрении хакасов обитатели водного и подземного пространств наделялись сверхъестественными и зачастую вредоносными свойствами. Во многом это было обусловлено тем, что в традиционной культуре они воспринимались в качестве представителей Нижнего мира, которые априори были настроены к людям враждебно. В результате их образ широко использовался в вербальной магии – всевозможных проклятиях и заклинаниях. Так, например, в хакасской традиции бытовала практика, когда свекровь проклинала невестку, вышедшую замуж за другого человека, следующим выражением [Бутанаев, Бутанаева 2008, 346, 358]:

*Пасхан чиріңе пага чатсын,
Чатхан чиріңе чылан чатсын*

Пусть лежит жаба на твоём пути,
Пусть лежит змея на твоей кровати.

Отметим, что различные пресмыкающиеся и земноводные были одними из самых многочисленных подземных обитателей и нередко выступали в качестве основного маркера Нижнего мира. В этой связи уместно привести отрывок из фольклорного произведения хакасов, в котором выражено данное убеждение. Речь идёт о богатыре,

подпавшем под чары сверхъестественных существ и в дальнейшем оказавшемся в подземелье: «Проснувшись рано, он увидел себя не в гостеприимной юрте, а в какой-то тёмной пропасти, наполненной разными гадами. Вскочил богатырь как шальной; куда ни ступить, везде всё змеи и лягушки» [Каратанов 1884, 636]. В устном народном творчестве хакасов лягушка нередко выступает в качестве средства передвижения обитателей подземного царства, например, их «скотники ездят на шестисаженных пёстрых лягушках» [Бутанаев, Бутанаева 2008, 37]. В мифологических воззрениях народа амфибии, как и рептилии, использовались потусторонними существами не только как транспорт, но ещё и являлись их основной пищей. Сведения о подобных гастрономических предпочтениях жителей Нижнего мира широко представлены в эпосах. Так, в героическом сказании «Албынчі» демоница *Ўзүт Арыг* настойчиво уговаривает богатыря *Хан-Мирген'а* жениться на ней, приводя соответствующие аргументированные доводы [Албынчі 1951, 38. Перевод наш. – Авт.]:

“Пастагы часкам, Хан-Миргенім,

*Син урун-пардың,
Чир чабызы чирге чөрібізербіс.*

*Чирнің чабызы чирде,
Пу киліп одырганда көр-килдім,
Төңіс талай пар,
Төңіс талай сугның хазы чирде
Ана анда чуртабызарбыс.
Пага, килескі көп ол чирде,
Піске чирге чидер” – тидір”*

«[О] первое счастье [моё], Хан-Мирген [мой],

Ты [мне наконец-то] повстречался,
[В] подземный мир [мы вместе]
отправимся.

[В] земли подземье,
Недавно посетив, заметила, [я]
[Там] большое море есть,
[Там] на берегу большого моря
Будем жить-поживать.
Лягушек, ящериц много в том месте,
Нам кушать хватит» – говорит.

В героическом сказании «Алтын Чүс» описывается ситуация в которой представитель Нижнего мира предлагает гостю, пришедшему с земной поверхности, их лакомые блюда. Они, как оказалось, были приготовлены из пресмыкающихся и земноводных, а также насекомых, что естественно вызвало у героя негодование и гнев [Алтын Чүс 1958, 21. Перевод наш. – Авт.]:

*Сынабаан ілезін Хыйга Чике,
Стол кістінзер ол иртібіскен.
Ала маңыс кічічек оолах,
Аас азып, чоохтанча:*

Не перечивший матери Хыйга Чике,
За стол он прошёл.
Белолицый маленький мальчик,
Рот раскрыв, говорит:

<p>“Аллыг сагызың алчаасхан ма, Андаг тамахты чирге итчезің? Син хаттың, син сеереңнің, Сыйлир көңнің мындаг ба?! Істіңнең сыххан иркеңе Чылан, пага сал турзың! Паарыңнаң сыххан палаңа Пага, хурт-хоос пир турзың! Пазыңны чарам, іди ползаң, Палтырыңны тілем мин, сеерең!»</p>	<p>«Глупый [твой] ум ошибся что ли, Такую пищу предлагаешь отведать? [Ах] ты баба окаянная, Радушие [твоей] души такое, что ли?! [Из] тебя вышедшему ребёнку Змей-лягушек кладёшь! [Из] твоей печени вышедшему ребёнку Лягушек, насекомых даёшь! Голову [тебе] снесу [я], если так будешь [вести], [Твои] икры [ног] разрежу я, окаянная!»</p>
--	--

Вместе с тем в хакасском фольклоре обнаруживается мысль о том, что земным богатырям, прибывшим с определённой миссией в подземное царство, порой всё же жизненно необходимо отведать предлагаемые им местные яства. Оказывается, что обозначенные специфические угощения увеличивают жизненную силу и мощь героев и помогают им преодолеть всевозможные трудности и лишения, часто встречающиеся им на пути. В богатырском сказании «Ах пора аттыг алып Ах Хан» / ‘Ах Хан на бело-буланом коне’ даётся следующее объяснение этой установки [Ах Хан 2007, 231, 233. Перевод наш. – Авт.]:

<p>Алтын стол кистіне хости одырганнар. Алтын аяхха толдыра Ходыр пагалар пызырып тургыстыр <...> Алтын-күмүс аяхтаң ас чіп ал.</p>	<p>[За] золотым столом рядом сидели. [В] золотой чаше [перед ними] полной Корявых лягушек, сваривши, поставила <...> [Из] золотой-серебряной чаши пищу испробуй.</p>
<p>Алтын аяхтаң ас-тамах чібезең, Артых аар-чобаг көріп, Арыг күзін синің албин, Аймах чирінде азып-өлерзің</p>	<p>[Если из] золотой чаши еду не поешь, Лишние трудности-муки испытаешь, Чистой силы [твоей] не хватит, [В] далёкой земле погибнешь.</p>

Добавим и то, что в героической эпике широко распространён сюжет, связанный с оборотничеством. Так, с целью оказания помощи герою их суженые оборачиваются безобразного вида старухами и пр. При этом они угощают их чудодейственными блюдами, приготовленными из земноводных и пресмыкающихся, которые, как оказывается, кратно увеличивают их богатырскую мощь [Ах Хан 2007, 265. Перевод наш. – Авт.]:

<p>Читон там чир алтында Хара тураа кіргеннерінде, Пір хулагын чабынган, Пір хулагын частанган хара иней Сірерні, пага-килескінең сыйлап, азыраан. Ол прай арга-сүменең, идіп, пызырган. Ол арыг, сіліг чайалган Айлыг-күннің хыс Күмүс Чүстук полган. Алтын Хустың алып хонцан хызы полча. Аны піліп, ол чирзер парып, Арга-сүменең сірерге полыс пирген. Күмүс Чүстук, Көк ханның хызы, Алтын Хусты килерін хадарча. Часта синің хонцаан, Чазын пірге пазылган, Худай хосхан хониин ол полар»</p> <p>Читон там чир алтынаң Тогызон там чир алтынзар түскеннерінде, Хара турачахха кіргезер. Анда хуу иней, пір хулаан частанган, Пір хулаан чабынган хара инейні Хазанга пызырып, сірерні азыраан. Ол ідök арга-сүменең хубулып азыраан. Ол алтын өртектің алтын чүгін Ах Öлеңе пирбеен полза, Арыг күстерін албин, азып-өлерчіксер. Ол Алтын ханның хызы Арыг, сіліг Алтын Көөк хыс полган. Иркем-палам Ах Öлең, Ол синің алып хонцан хызын полар, Синің килеріңні хадарча</p>	<p>[Под] семьюдесятью слоями земли [В] чёрный дом [когда] вошли [то увидели] Одним ухом прикрытую, Другим ухом постелившуюся чёрную старушку Вас, лягушками-ящерицами одаряла, угощала. Это всё [с] умением-хитростью приготовлено, сварено [было]. Она чистой, красивой сотворена [была] [С] месяцем-солнцем девой Күмүс Чүстук была. Алтын Хус'а богатыря наречённой девой является. Это узнав, [она в] ту землю отправившись, [Своим] умением-хитростью вам помогла. Күмүс Чүстук, Көк хан'а дочь, Алтын Хус'а прихода дожидается. [До самой] старости с тобой прожить, [Все] годы [вам] вместе предназначено [прожить], Богом предназначённая жизнь [для вас] это будет. [Из-под] семидесяти слоёв земли [В] девятый слой подземелья спустившись, [В] чёрный дом входили. Там бледная старушка, одним ухом постелившись, Другим ухом накрывшись, чёрную старушку [Пищу] в казане сварив, вас угощала. Она также своим умением-хитростью обратившись, [вас] кормила. [Если бы она] этой утки золотое перо Ах Öлең'у не дала бы, Чистой силы [вашей] не хватило бы, [тогда вы] перейдя-умерли бы. Это [она] Алтын хан'а дочь Чистая, прекрасная Алтын Көөк дева была. Милый ребенок [мой] Ах Öлең, Она тебе предопределённая [в] жёны девушкой является, Твоего прихода дожидается.</p>
--	---

Отметим, что для обитателей подземного пространства и иных существ лягушка выступает не только в качестве пищи и чудодейственного средства, направленного на сохранение и увеличение их жизненных сил. В лягушачьем облики нередко предстают и сами души различных вредоносных существ. Так, душа ведьмы *Чик Чеекей Хуу Хат* (букв. 'Прожорливый Бес') имеет образ жёлтой лягушки [Бутанаев 2006, 52–53]. Магическая сила, представленная в виде всевозможных гадов, была присуща не только аборигенам Нижнего мира, но и всем тем, кто подвергся их колдовским чарам и стал одержим нечистью. Данные суждения опять-таки нашли отражение в эпических произведениях. Так, в героическом сказании «Хан Мирген и Ай Мирген» приводятся следующие сведения об этом [Радлов 1868, 573. Перевод наш. – Авт.]:

<i>Алып төрөн Кан Мерген</i>	Богатырём рожденный Кан Мерген
<i>Азахпаның ас пос чадыр,</i>	Ногами редко ступает,
<i>Ајабынаң көп тајандыр,</i>	Ладонями [о землю] много опирается
<i>Кара чирдең хап сыкчык,</i>	[Из] чёрной земли схватив [его], вышедши,
<i>Ак пулуттын, кара пулуттын</i>	[К] белому облаку, [и] чёрному облаку
<i>Аразхына сыгара кодурчук,</i>	[Между ними] достигнув, подняла,
<i>Агылып тастачык,</i>	[И] вознесши, бросила,
<i>Арыг тынны узуп полбін чадыр.</i>	[Его] чистое дыхание оборваться не может.
<i>Кара паарын ікі тіспінаң</i>	Чёрную печень с удвоенной силой
<i>Пазып чадыр Канар Ко.</i>	[Стала] давить Канар Ко.
<i>Кан Мергеннің аксынаң</i>	[У] Кан Мергена изо рта
<i>Чыланнар, пагалар сыгып чадыр,</i>	Змеи, лягушки выходят стали,
<i>Ікінчизын пас чадыр,</i>	Во второй [раз] надавила,
<i>Аксының кара кан тогул чадыр,</i>	[Изо] рта чёрная кровь литься стала,
<i>Узунчызын пас чадыр,</i>	[В] третий [раз] надавила,
<i>Апагас кан тогул чадыр</i>	Чистейшая (белейшая?) кровь полилась

Одним из характерных признаков лягушки, как известно, являются длинные задние конечности, отличающиеся большой силой и хорошо приспособленные для прыгания и плавания. Отметим, что собственно в русском языке этимология наименования интересующего нас земноводного происходит от слова «ляга/ляжка» [Преображенский 1910–1914, 496; Фасмер 1986, 549] в значении «нога/бедро», т. е. длинные задние конечности. С их помощью осуществляется характерное движение животного – оно как бы «лягается/бьёт ногами», тем самым совершая соответствующее перемещение в пространстве – прыгает и плавает. В мифологических представлениях хакасов многим демоническим сущностям нередко приписывались

типичные способы передвижения земноводных и пресмыкающихся. Так, в процессе камлания шаман, изгоняя злого духа от людей, наряду с прочим произносил следующие слова: «Став лягушкой, ускачи; став змейей, уползи» [Бутанаев 2006, 205]. Заметим, что в эпосе «Сибен Арыг», очевидно, не случайно отрицательный персонаж наделяется лягушачьими ногами [Курбижекова 2011, 86. Перевод наш. – Авт.]:

Сибен Арыг суулабысхан:
– Чаца кізі Піс Тумзух,
Сірернің, чир алтында
Хайдаг ла айналар чоғыл.
Пуга пастыг алыбыңар пар,
Пага пісче көгістіг, інек азахтыг,

Алыптарыңар парох чинең.
Сірер, чаца кізі,
Пага азахтыг поларзар

Сибен Арыг произнесла:
– Старшая сестра, Піс Тумзух,
[У] вас, под землёй
Каких только чертей нет.
[С] бычьей головой богатыри есть,
Ещё [с подобным] шилу туловищем,
коровьими ногами,
Богатыри есть.
[А] вы, старшая сестра,
[С] лягушачьими ногами будете.

В хакасском фольклоре помимо ног внимание акцентируется и на такой части тела лягушки, как кожа. В мифологических представлениях она наделялась поразительной прочностью и износостойчивостью. Поэтому некоторые представители Нижнего мира шили из неё мешки – *пага терізі хапчых*. Они использовались, помимо всего прочего, ещё и в качестве ножен для хранения волшебного булатного меча – *тынныг молат*. К примеру, ведьма *Хуу Иней* была обладательницей такого предмета [Күмүс 1958, 301. Перевод наш. – Авт.]:

Тыңнап турчатсалар,
Төрдегі сірее алтында
Тынныг молат анда тырсылазып,
Анда суулазып чадыр.
Иткек хыс аннаң сыгарып алган,
Пага терізі хапчыхха сук салтыр.

Тынныг молатты алып алган,
Пір ізеебіне сук салган.
Пір сілігінібіскен Иткек хыс,
Пілө харын, піс тумзух

Хуу Иней пол чөрібіскен

Прислушиваясь, остановились,
[В] переднем углу под лавкой
Живой булатный [меч] там трепыхаясь,
Там шумя, лежит.
Иткек хыс [его] оттуда вытащила,
В мешок [сшитый] из лягушачьей кожи
засунула
Живой булатный [меч] добыв,
[В] один из карманов вложила.
Единожды встряхнувшись, Иткек хыс,
[С] животом [подобным точильному]
бруску, [с] носом [подобным] шилу
[Обратно в] Хуу Иней превратилась.

В мировоззрении хакасов каждая группа животных имеет своего правителя. Не стали исключением и лягушки. Согласно фольклору, их царём является *Пай-Паган* или *Пага-хан* [Катанов 1907, 515–518, 557; Трояков 2006, 19–20; Курбижекова 2011, 101–110]. Одной из главных его отличительных особенностей выступает гигантский размер – «величиной с корову» [Катанов 1907, 518; Трояков 2006, 20]. В некоторых произведениях глава лягушек изображается с двумя рогами, в которых сосредоточена его жизненная сила: «Вот опять забурлило море – волны поднялись, и показались два рога. Это царь лягушек из волн выходит» [АМАЭ ТГУ 1975, 18–19]. Иногда он описывается как имеющий блестящую/сверкающую грудь (возможно – сияющий диск или ожерелье на груди – *көксінде чылтыраң нимезін*) – место локализации его души [НАРХ 1958, 35]. В качестве месторасположения его резиденции указываются различные водные пространства: 1) некое «жёлтое болото» (*сарыг сас*) [Майногашева 1997, 434]; 2) таинственное озеро [Катанов 1907, 515–518; Трояков 2006, 19–20]; 3) мифическое море [АМАЭ ТГУ 1975, 18–19]. Из членов его семьи упоминается супруга и дочь по имени *Пайбал Тана* [Курбижекова 2011, 101–110].

В хакасском фольклоре лягушки ведут непримиримую борьбу против змей. Сведения о противоборстве этих естественных врагов в природе получили отражение в некоторых эпических произведениях [Курбижекова 2011, 101–102, 110. Перевод наш. – Авт.]:

<i>Узун хурттар паларлыг саста,</i>	Длинные черви [т. е. змеи] на покрытом тиной болоте,
<i>Пагаларны чип, чырган парганнар.</i>	Лягушек поедая, наслаждаются.
<i>Пагацахтар ханнары-ниглері</i>	Лягушачьи цари-князья
<i>Пагын ханзар, орлазып-сыхтазып,</i>	[К] лягушачьему царю, ревя-причитая,
<i>Күннің кил тура парганнар.</i>	Ежедневно приходиться стали.
<i>Узун хурт паламны</i>	Длинные черви [змеи] детей [моих]
<i>Азырыбысты тіп,</i>	Проглотили, говорят
<i>Хайзы-пірсі хоптан турлар,</i>	Кто-то из них жалуется.
<i>Узун хурт ічемні</i>	Длинный червь [змея] мать [мою]
<i>Чібісті тіп...</i>	Съел, говорит <...>
<i>...Узун полган ну хурттар</i>	<...> Длинные эти черви [змеи]
<i>Улуг чуртым үретті,</i>	Большое жилище [моё] разрушают,
<i>Чылан полган ну хурттар</i>	Змеями бывшие эти черви
<i>Чыргаллыг чуртым тўңдерді.</i>	[Моё] счастливое жилище вверх дном [перевернули].

В мифах упоминается три сражения между лягушками и змеями. Причём в первых двух не было ни победителей, ни проигравших; зато третья битва увенчалась успехом для змей. Это произошло лишь благодаря помощи специально приглашённого человека-охотника, который метким выстрелом убил царя лягушек, чем и предопределил исход событий в пользу рептилий [Катанов 1907, 515–518; Трояков 2006, 19–20]. Добавим и то, что в эпическом повествовании хакасов лягушки, обладая горделивым и даже воинственным нравом, конфликтовали не только со змеями, но и с ящерицами. В героическом сказании «*Ай Хуучын*», записанном от сказителя С. П. Кадышева, имеется следующее описание агрессивной природы лягушек [Ай Хуучын 1958, 325. Перевод наш. – *Авт.*]:

Искеркі сарыг саста
Пага ханы тапсабысхан:
 – Хан Миргеннің халын чурты
Хақан на талалыбысхай?
Халых чоны, хадарган малы
Хақан на сүрігде парыбысхай?
Кидеркі хорымныг хырда
Килескі ханы тапсабысхан:
 – Хан Миргеннің чуртына
Тыңох таа хара сагындың?
Хақан пуруннаң талалбаан
Халын чурт ам даа талалбас!

Хатап найир Хан Мирген,
Хатап чыргир Хан Мирген.
Сарыг састың пага ханы
Паза хатап тапсапча:
 – Хан Миргеннің арыг чурты
Таңдагы кўнде талал халар!
Пага ханы састаң сыхча,
Килескі ханы тагдаң инче.
Удур-төдір сарысчалар,
Улуг хырзыс настатчалар

[На] востоке [из] жёлтого болота
 Царь лягушек прокричал:
 – Хана Миргена большое владение
 Когда разрушится?
 Многочисленный народ, пасомый скот
 Когда в угон уйдёт?
 [С] западного каменистого хребта
 Ящериц царь прокричал:
 – [О] Хана Миргена владении [ты]
 Сильно плохое задумал?
 [Никогда] изначально не разрушавшееся
 Большое владение [и] сейчас
 не разрушится!
 Так же будет богатеть Хан Мирген,
 Так же будет наслаждаться Хан Мирген.
 [Из] жёлтого болота царь лягушек
 Опять прокричал:
 – Хана Миргена чистое владение
 [В] завтрашний день разрушено будет!
 Царь лягушек [из] болота выходит,
 Царь ящериц [с] горы спускается.
 Друг с другом спорят,
 Большую брань затевают.

Справедливости ради заметим, что в другом варианте эпоса «*Ай Хуучын*», записанном от хайджи П. В. Курбижекова, в роли агрессора и недоброжелателя выступает не царь лягушек, а глава ящериц. При этом сами земноводные в указанном произведении предстают в наиболее благовидном свете [Хакасский 1997, 81–87].

Исследователь хакасского фольклора Н. Н. Сагояков не без оснований отмечал, что фольклорные произведения о представителях мира фауны, кроме этиологической нагрузки, несут в себе и отголоски тотемических верований. В них нередко обнаруживается родство животных-тотемов с определёнными хакасскими *сөөк'*ами – родами [Сагояков 2010, 111]. Не исключено, что и под мифологическими образами лягушек, змей, ящериц и пр. могли скрываться конкретные этнические общности, в прошлом проживавшие на территории Хакасии. Сама же борьба этих животных между собой символически передавала процессы их этнокультурного взаимодействия друг с другом, в том числе и ассимиляционные явления. В пользу данной мысли может свидетельствовать известный миф об истреблении аринцев змеями [Миллер 2009, 54–55; Катанов 1907, 534–535 и др.]. В нём под уничтожением аринцев змеями символически и завуалированно подразумеваются реальные исторические процессы тюркизации и ассимиляции кетоязычных групп (аринцев) тюркоязычными ызырцами. Известно, что тотемным знаком последних выступала змея. Отметим, что среди хакасских (койбальских) *сөөк'*ов представлен такой род, как «Кёл». Внутри него имеется группа «Кёл пага» (букв. 'озёрная лягушка'), родовым символом которого (*пага таңма*) выступает соответствующее земноводное (ил. 1)¹.

Ил. 1. Генеалогическое древо фамилии Бургундосовых из *сөөк'*а Көл пага. Национальный праздник *Тун пайрам*. Июль 2009. Фото автора

¹ Полевые материалы автора. Республика Хакасия. 2009.

Образ лягушки широко распространён в традиционной обрядности хакасов, в том числе и в шаманских практиках. В мировоззрении хакасов, как уже отмечалось, это животное было тесно связано с духом воды – *суг ээзи*. В этой связи Л. П. Потапов писал, что «пага – лягушка (чёрная) служила хозяину озер (*кёл еези*) и через него помогала лечить “плохие” болезни» [Потапов 1981, 135]. Отметим и то, что порой и сама лягушка выступала в качестве воплощения водяного духа [Катанов 1897, 35]. Поэтому любое её воздействие на водную среду воспринималось как благостное. В этой связи становится понятен глубинный смысл хакасской поговорки «*Пага сідии көлге туза, тамчы суу талайга туза*» – ‘Моча лягушки – польза для озера, дождевая капля – польза для моря’ [Бутанаев, Бутанаева 2008, 199, 265, 287].

Лягушка, будучи одним из значимых представителей Нижнего мира, входила в сферу влияния главного правителя этого пространства – Эрлик-хана (*Ирлик/Илхан*) и была его верным подданным. Лягушки наряду с некоторыми пресмыкающимися были на службе у подземного владыки [Клеменц 1890, 26; Иванов 1955, 212] и зачастую выполняли функцию конвоирования – «уводят нечистого духа на расправу к Эрлик-хану» [Катанов 1897, 29]. Отметим и то, что лягушка являлась ключевой фигурой в шаманской практике. Она выступала в качестве одного из важнейших *тöс’ов* – духов-помощников шамана. В силу отмеченной зоологической специфики обозначенное животное служило в качестве одного из посредников между шаманом и духами подземного мира, с одной стороны, и шаманом и хозяином воды – с другой [Дыренкова 2012, 303]. Поэтому лягушка наряду с другими духами оказывала большую помощь шаману во время его путешествий в Нижнем мире. Обращаясь к ней, её уважительно называли *пай пага* – ‘богатая/священная лягушка’ или *улуг пага* – ‘большая/великая лягушка’ [Дыренкова 1940, 441; Дыренкова 2012, 303].

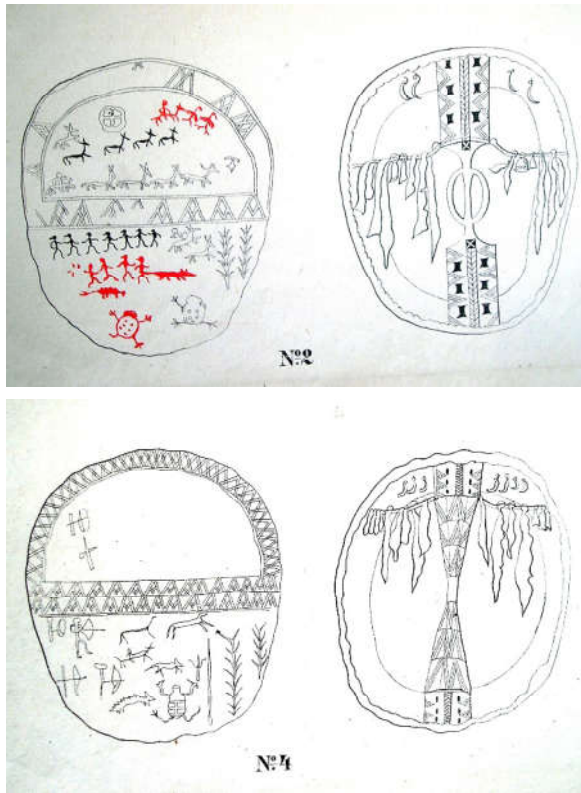
Изображение указанного земноводного было широко представлено на шаманских бубнах, как правило, в их нижней части, изображавшей подземный мир (*ил. 2*). При этом в количественном отношении оно зачастую превосходило все остальные. В связи с этим этнограф С. В. Иванов, анализируя рисунки на мембране ритуальных бубнов, констатировал: «На пятидесяти шаманских бубнах хакасов были изображены: змеи – 26, лягушки – 37, ящерицы – 17, неопределённые животные – 12, рыбы – 10, чудовища – 4» [Иванов 1955, 209]. Добавим и то, что изображения земноводных, пресмыкающихся и рыб встречались не только на кожаных поверхностях, но

и на деревянных рукоятях бубнов [Яковлев 1900, 57]. Лягушки/ жабы во многих случаях изображались парно. При этом одна из них чаще рисовалась белым цветом (*ax paга*) и олицетворяла собой самца. Вторая изображалась чёрной краской и представляла самку (*xapa paга*) [Клеменц 1890, 26; Бутанаев 2006, 99]. Имелись и иные цветовые комбинации этих фигур: красный и белый или обе – синие [Клеменц 1890, 25–35]. По материалам Н. Ф. Катанова, представитель мужского пола именовался *Кир-Паган*, а женского – *Хозынджы-хат* [Катанов 1907, 552].

Следует отметить ещё одну важную деталь. Земноводные чаще изображались ниже и немного левее шаманских деревьев [Клеменц 1890, 29–34]. В целом названная композиция соответствует универсальной схеме мирового древа или трёх космологических зон. В ней лягушка вместе с остальными хтоническими животными расположена вблизи корней дерева, что тождественно Нижнему миру, включая и подземные воды [Токарев 1988, 84]. Обращает на себя внимание и то, что лягушка обычно изображалась в более крупных размерах по сравнению с другими животными [Дыренкова 2012, 303] (ил. 3). Данная изобразительная специфика недвусмысленно свидетельствует о её большой ритуальной значимости.

Ил. 2. Изображение хакасского шаманского бубна.
 Источник: Катанов Н. Ф. Отчёт о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г.
 в Минусинский округ Енисейской губернии

Ил. 3. Изображения лягушки на шаманских бубнах.
 Источник: Клеменц Д. А. Несколько образцов бубнов минусинских инородцев // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1890. Том 2. Вып. 2

В традиционных представлениях хакасов лягушка наряду с некоторыми пресмыкающимися являлась духом-покровителем овец жёлтой масти. Из уже приводившихся материалов Н. Ф. Катанова известно, что в мифологии изучаемого народа выделяются две главных фигуры – *Кир-Паган* (муж) и *Хозынджы-хат* (жена) [Катанов 1907, 552]. Согласно же сведениям В. Я. Бутанаева, покровительствующий этим домашним животным дух назывался *Кирбе-хан*, иногда его именовали *алты путтыг Пай Пагаң* – ‘шестиногая священная лягушка’ [Бутанаев 2006, 60]. По утверждению шаманов, указанные персонажи вкупе с другими духами в виде животных «пугают своим присутствием тех злых духов, которые желают прикоснуться к овцам» [Катанов 1897, 30]. Выбор этого земноводного в качестве образа покровительствующего демона, очевидно, не случаен. Из зоологии известно, что зрительный аппарат лягушки устроен таким

образом, что она может одновременно смотреть вперёд, вбок и вверх. При этом она никогда надолго не закрывает глаза, даже во время сна. В мифологическом мышлении указанная специфика её зрения могла ассоциироваться с бдительностью и всеведением. В этой связи лучшего охранителя для овец, чем лягушка, было трудно себе представить. Верили, что помимо выполнения охранительных и защитных функций она ещё и содействовала излечению домашнего скота от различных болезней [Патачаков 1984, 279; Потапов 1991, 194]. Духу-покровителю овец требовалось регулярно посвящать в качестве живой жертвы овцу жёлтой масти. Полагали, что при этом животное становилось оберегом всего стада и способствовало увеличению приплода. В этой связи бытовала такая примета: «Если увидеть во сне змею или лягушку, то значит надо возобновить освящение овец» [Катанов 1907, 465].

Мистическая сила этого демонического существа могла быть направлена не только на животных, но и на людей. К ней обращались для излечения от заболеваний рук и ног, а также глаз. Обряд проводил шаман. С этой целью закалывали жёлтого холощёного барана. Отметим, что в процессе ритуала шаман, обращаясь к этому духу, не отделял его образ от образа рептилий [Катанов 1907, 556–557]:

Повода² твои – живые змеи, удочки³ твои – чёрные змеи! Народа, происшедшего от женщины *Хозынджы*, столько же, сколько и чёрных несметных овец! Тебе, покровителю овец, от народа, подобного бесчисленным чёрным коровам, приносятся в жертву красный и жёлтый холощёные бараны, украшенные белыми и синими лентами! Ты, *Пай-Паган*, – глава лягушек! Ты, пёстрая змея, – глава змей! Место твоего жительства вверх по Енисею, на хребте *Ергик-таргак*! Место твоего веселья в начале гор, в лесах больших хребтов!

По сведениям Н. Ф. Катанова, хакасами проводилась обрядность в отношении некоего духа *Илгерге* [Катанов 1907, 596]. Исследователь напрямую не связывает его с духом-покровителем овец, однако косвенные данные, касающиеся этой сакральной фигуры, могут свидетельствовать о том, что под этим именем мог скрываться всё тот же религиозно-мифологический персонаж. Во-первых, посвящённые ему ритуалы были направлены прежде всего на исцеление органов зрения, слуха и конечностей людей, что было свойственно лечебной «специализации» покровителя овец. Во-вторых, ему

² Имеются в виду *поводья*.

³ Видимо, надо читать: 'удечки' или 'удила'; шаманы часто изображаются верхом на служебных духах в упряжи.

опять-таки посвящался ягнёнок, имеющий жёлтые уши и щёки. В-третьих, специально для камлания шамана из земли лепились фигуры змеи, лягушки и ящерицы, которые по завершении сакральных действий относились в лес. Приведённые данные указывают на то, что *Илгерге* являлся духом-покровителем овец и его характерным внешним проявлением были соответствующие образы пресмыкающихся и земноводных.

У хакасов лягушкам отводилось важное место и в иных шаманских камланиях. По материалам В. Я. Бутанаева, в процессе мистического путешествия кама те «заходили вперёд шамана на место моления и принимали кропление вином или брагой “*абырты*”» [Бутанаев 2006, 99]. Добавим, что схожую функцию – хранителя жертвенного напитка шамана – лягушка исполняла и в обрядовой практике телеутских камов. Во время сверхъестественных странствий шамана она своими лапами поддерживала берестяной туяс – *көнөк* и при этом ещё затыкала отверстие, чтобы не пролилась *абырты*. В связи с этим к ней обращались со следующими словами [Дыренкова 1949, 148]:

С двумя покрасневшими глазами
С пожелтевшими ноздрями,
Богатая лягушка, что в огнище!
К моему берестяному *көнөк’у*,
Имеющему поперечный шов,
Лапу твою приложи и прикрой его!

Таким образом, представленный здесь материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов лягушке отводилось важное место. Такое положение дел было обусловлено как широкой распространённостью этого животного в природе Хакасии, так и благодаря его зоологической специфике. В мифологическом восприятии указанное земноводное наделялось противоречивой двойственной характеристикой и вызывало у людей неоднозначные чувства, чаще негативные. В традиционном сознании народа непрезентабельная внешность лягушки выражала собой отталкивающие внутренние качества её характера, что нашло своё отражение в фольклоре и вербальной магии.

В представлениях народа лягушка как существо, живущее в двух стихиях – воды и земли, устойчиво связывалась с Нижним миром. При этом её образ нередко вводится в мифологические и сказочные схемы с участием других хтонических животных, например, мыши, змеи и ящерицы. В устном народном творчестве хакасов вся систе-

ма жизнеобеспечения демонических персонажей подземного мира, включавшая в себя ведение хозяйства и питание, была напрямую связана с этим земноводным. Одновременно во многих фольклорных произведениях лягушки образуют отдельные организованные сообщества – царства, активно взаимодействующие с объединениями других животных – рептилий. В обозначенных мифологических сюжетах представляется возможным рассматривать анималистические образы в качестве репрезентаций не только сугубо символических, но и тотемистических представлений.

Немаловажное значение придавалось образу лягушки и в шаманской практике. Образ этого животного имел прямое отношение как к духу-хозяину воды – *суг ээзи*, так и к владыке подземного мира – *Эрлик-хану*. Обозначенная специфика лягушки способствовала её включению в состав ключевых духов-помощников шамана, осуществлявших посредничество между миром подземных духов и людей. Среди шаманистов почитание амфибии достигло столь высокого уровня, что возник культ покровителя овец, внешние данные которого включали черты земноводного и пресмыкающихся. Данный персонаж, производный от лягушки, осуществлял покровительственные, защитные и лечебные функции по отношению не только к домашним животным, но и к людям. Такие культурно-этнические реалии призваны репрезентировать собой многогранный образ лягушки.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адрианов 1904 – Адрианов А. В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904.
- Ай Хуучын 1958 – Ай Хуучын // Алтын Арыг. Алыптыг ныхыхтар. Абакан, 1958. С. 318–420. На хакасском языке.
- Албынчї 1951 – Албынчї (алыптыг ныхмах) // Алыптыг ныхмахтар. Абакан, 1951. С. 13–98. На хакасском языке.
- Алтын Чўс 1958 – Алтын Чўс. Алыптыг ныхмах. Абакан, 1958. На хакасском языке.
- АМАЭ ТГУ 1975 – Архив Музея археологии и этнографии Томского государственного университета. № 681–3: Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию. Июль 1975.
- Ах Хан 2007 – Ах пора аттыг алып Ах Хан / Ах Хан на белом буланом коне: Богатырское сказание, записанное от С. И. Шулбаева. Абакан, 2007. На хакасском языке.

- Ачитаева и др. 2016 – Несказочная проза хакасов / Сост., ред. Л. К. Ачитаева и др. Новосибирск, 2016.
- Бутанаев 2006 – *Бутанаев В. Я.* Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан, 2006.
- Бутанаев, Бутанаева 2008 – *Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.* Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008.
- Галай, Жучкова 2014 – *Галай К. Н., Жучкова А. В.* О типологической классификации и символическом значении антропоморфных образов принца-лягушки и царевны-лягушки // Мир русского слова. 2014. № 4. С. 50–55.
- Дыренкова 1940 – *Дыренкова Н. П.* Шорский фольклор. Москва, Ленинград, 1940.
- Дыренкова 1949 – *Дыренкова Н. П.* Материалы по шаманству у телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Том 10. Москва, 1949. С. 107–190.
- Дыренкова 2012 – *Дыренкова Н. П.* Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. Санкт-Петербург, 2012.
- Иванов 1955 – *Иванов С. В.* К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея антропологии и этнографии. Том 16. Москва, Ленинград, 1955. С. 165–264.
- Каратанов 1884 – *Каратанов И. Д.* Черты внешнего быта качинских татар // Известия Императорского Русского географического общества. 1884. Том 20. Вып. 6. С. 618–645.
- Катанов 1897 – *Катанов Н. Ф.* Отчёт о поездке, совершённой с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897.
- Катанов 1907 – *Катанов Н. Ф.* Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Образцы народной литературы тюркских племён, изданные В. В. Радловым. Том 9. Санкт-Петербург, 1907.
- Клеменц 1890 – *Клеменц Д. А.* Несколько образцов бубнов минусинских инородцев // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1890. Том 2. Вып. 2. С. 25–35.
- Курбижекова 2011 – *Курбижекова А. В.* Сибен Арыг (героическое сказание). Абакан, 2011. На хакасском языке.
- Күмүс 1958 – *Күмүс ханаттыг көк пора аттыг Күн Төңіс* // Алтын Арыг. Алыптыг нымах. Абакан, 1958. С. 223–317. На хакасском языке.
- Майногашева 1997 – Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / Под ред. В. Е. Майногашевой. Новосибирск, 1997.

- Миллер 2009 – Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Пер. с нем. А. Х. Элерта. Москва, 2009.
- НАРХ 1958 – Национальный архив Республики Хакасия. Ф. 588. Оп. 1. Д. 114. Материалы Хакасской фольклорно-диалектологической экспедиции Абаканского педагогического института, 1958.
- Патачаков 1984 – Патачаков К. М. О рисунках на шаманском бубне хакасов // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982–1983. Москва, 1984. С. 278–279.
- Потапов 1981 – Потапов Л. П. Шаманский бубен качинцев как уникальный предмет этнографических коллекций // Материальная культура и мифология. Том XXXVI. Ленинград, 1981. С. 125–137.
- Потапов 1991 – Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Ленинград, 1991.
- Преображенский 1910–1914 – Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Том I. Москва, 1910–1914.
- Радлов 1868 – Кан Мерген Ай Мергенаң // Образцы народной литературы тюркских племён, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи / Собр. В. В. Радловым. Часть II. Поднаречия абаканские: сагайское, койбальское, качинское, кызыльское и чулымское (кюэрик). Санкт-Петербург, 1868. С. 532–574. На хакасском языке.
- Сагояков 2010 – Сагояков Н. Н. Хакасские мифы. Абакан, 2010.
- Субракова 2006 – Хакасско-русский словарь / Под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск, 2006.
- Токарев 1988 – Мифы народов мира. Энциклопедия / Под ред. С. А. Токарева. Том 2. Москва, 1988.
- Трояков 2006 – Мифы и легенды хакасов / Под ред. П. А. Троякова. Абакан, 2006.
- Унгицкая, Майногашева 1972 – Унгицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972.
- Фасмер 1986 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Том 2. Москва, 1986.
- Яковлев 1900 – Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Вып. 4. Минусинск, 1900.

Материал поступил в редакцию 12.12.2018